

КЛИФФОРД САЙМАК

ВЫБОР БОГОВ

Часть сборника: Магистраль вечности (сборник)

Клиффорд Саймак

Выбор богов

«ЭКСМО»

1972

Саймак К. Д.

Выбор богов / К. Д. Саймак — «Эксмо», 1972

В романе «Выбор богов» писатель рисует печальную картину заката человеческой цивилизации и размышляет о поиске новых путей развития общества. Но произведение пронизывает общий лейтмотив веры в разум, способный противостоять страхам и невежественности.

© Саймак К. Д., 1972

© Эксмо, 1972

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	21
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Клиффорд Саймак

Выбор богов

Clifford D. Simak

A CHOICE OF GODS © 1971 by Clifford D. Simak

© Е. Воронько, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Э»», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

1 августа 2185 года. Итак, мы начинаем заново. В сущности, мы начали заново пятьдесят лет назад, но тогда мы этого не знали. Поначалу у нас была надежда, что люди остались где-то еще и что мы сможем продолжить жизнь с той самой точки, где остановились. Когда же мы опомнились от потрясения и стали яснее размышлять и разумнее строить планы, то вообразили, будто сможем опереться на имеющийся багаж. Через год нам следовало бы понять, а через пять лет – признать, что это у нас не получится. Сначала мы отказывались смотреть фактам в лицо, а когда все же пришлось, стали цепляться за какую-то бессмысленную веру. Возродить прежний образ жизни было невозможно: нас оставалось слишком мало, мы не имели специальных знаний, а старая техника, пришедшая со временем в негодность, не поддавалась восстановлению. Она была слишком сложна, и чтобы машины работали, требовался многочисленный, хорошо обученный персонал, а кроме специалистов – еще и энергия. Сейчас мы не более чем воронье, которое расклеывает труп прошлого; однажды от него останутся одни голые кости, и тогда мы окончательно окажемся предоставлены самим себе. Однако в течение многих лет мы воссоздавали – или, если угодно, заново открывали – древние знания и умения, необходимые для более простого образа жизни, и теперь эти элементарные навыки помогут нам не впасть в состояние первобытной дикости.

Никто не знает, что именно произошло; конечно же, это не мешает некоторым из нас строить теории, которые объясняют случившееся. Беда в том, что все наши теории сводятся всего-навсего к догадкам, которые во многом строятся на разнообразнейших ошибочных представлениях. У нас нет никаких данных, кроме двух очень простых фактов. Первый из них состоит в том, что пятьдесят лет назад большая часть человечества перенеслась прочь с Земли – либо ее кто-то отсюда перенес. Из восьми с лишним миллиардов людей (что, разумеется, было чрезмерно для нашей планеты) на сегодняшний день осталось едва ли несколько сотен. В доме, где я пишу эти строки, живут шестьдесят семь человек; так много их только потому, что в тот вечер, когда все случилось, мы праздновали совершеннолетие наших внуков-близнецов, Джона и Джейсона Уитни, и несколько молодых людей пришли в гости. Индейцев с озера Лич, возможно, не менее трехсот, хотя видим мы их нечасто: они вновь, подобно своим далеким предкам, кочуют по свету, вполне, как мне кажется, благополучно и себе на пользу. Временами доходят слухи о еще каких-нибудь уцелевших горстках людей (слухи обычно приносят забредшие издалека роботы), но в указанном месте никогда никого не оказывается, и нет даже следов пребывания людей. Это, конечно, ничего не доказывает. Разумно предположить, что на Земле, кроме нас, остались и другие люди, хоть и неизвестно, где. Мы их больше не разыскиваем, полагая, что они нам не нужны. За прошедшие годы мы смирились со своим положением, свыклись с однообразием сельской жизни.

Роботы по-прежнему здесь, но об их числе у нас нет ни малейшего представления. Все роботы, сколько их было, никуда не исчезли. Они не покидали Землю сами и не были с нее унесены. С течением лет какое-то количество их поселилось с нами; они делают всю физическую работу и занимаются домашними делами, которые необходимы для нашего беспечального существования, и стали неотъемлемой частью нашего сообщества. Некоторые порой уходят на время, иногда появляются новые роботы, и они либо остаются здесь навсегда, либо уходят опять. Наверное, со стороны может показаться, что роботы как раз и могли бы восстановить и заставить работать хотя бы малую часть старой техники. Вероятно, их можно было бы этому обучить, однако среди нас нет людей, обладающих нужными знаниями. К тому же мозг робота нетехнологичен. Роботов создавали для другого – чтобы они тешили людское тщеславие и гордыню, утоляли ту странную жажду, которая, похоже, изначально присуща человеческому «Я»: стремление иметь подле себя других людей (или их

разумные копии), которые бы удовлетворяли наши желания и нужды, рабов, находящихся в подчинении, существ, над которыми мужчина, или женщина, или ребенок могли бы властвовать, создавая таким образом ложное чувство собственного превосходства. Роботы предназначались для того, чтобы служить кухарками, садовниками, дворецкими, горничными, лакеями (я никогда толком не мог понять, что же такое лакей) – в общем, быть слугами. Прислужники и неравные компаньоны, выполняющие любое распоряжение, рабы. Собственно говоря, чем бы они ни занимались, я полагаю, что они по-прежнему остаются рабами. Хотя вряд ли сами они считают это рабством; их ценности, пусть и дарованные человеком, не являются полностью человеческими. Роботы служат с чрезвычайной охотой; благодарные за эту возможность, они навязывают нам свою службу и, очевидно, рады тому, что нашли себе новых хозяев взамен старых.

Таково положение дел в отношении нас; в случае же с индейцами все совершенно иначе. Роботы рядом с индейцами чувствуют себя неловко, а те, в свою очередь, смотрят на них чуть ли не с отвращением. Роботы – составная часть культуры белого человека, и поскольку мы издавна имели дело с машинами, с готовностью принимаем и роботов. Индейцы же воспринимают их как нечистых, как нечто отвратительно грязное и чужое и не желают иметь с ними дела. Любого робота, забредшего в лагерь, индейцы немедленно изгоняют. Здесь у нас их всего несколько штук, хотя на Земле их наверняка много тысяч. Тех роботов, что живут сами по себе, мы стали называть дикими, но верно ли это? Часто из окна, или сидя во внутреннем дворике, или во время прогулки мы видим группы диких роботов, спешащих как будто по чрезвычайно важному делу. Куда и зачем они торопятся? Ходят разные слухи, но это лишь слухи, ничем не подтвержденные и не стоящие того, чтобы их пересказывать.

Я говорил, что существуют два факта, однако увлекся, рассказывая о первом. Второй факт таков: мы теперь живем намного дольше. Каким-то странным образом, недоступным нашему пониманию, процесс старения если не остановился, то как минимум сильно замедлился. За последние пятьдесят лет я словно бы ничуть не постарел, и остальные тоже. Если у меня и прибавилось несколько седых волосков, я их не вижу; если спустя пятьдесят лет походка моя и стала чуть медленнее, я этого не замечаю. Тогда мне было шестьдесят, и сейчас мне по-прежнему шесть десятков. Молодые достигают зрелости обычным порядком, но, достигнув ее, дальше уже не стареют. Нашим внукам-близнецам двадцать один год исполнился пятьдесят лет назад, однако им все так же двадцать один год. Если судить по внешнему виду, они одного возраста со своими сыновьями и старшими внуками, и порой это приводит в замешательство человека вроде меня, который всю свою жизнь прожил, считая года и ожидая наступления старости. Впрочем, даже если это меня смущает, жаловаться особо не на что, ведь попутно мы обрели невероятно крепкое здоровье. Поначалу нас беспокоило: если все люди вокруг исчезли, что мы станем делать, если кто-нибудь заболит и потребуются врачебная помощь и больничный уход? Но, к счастью, этого нам не требуется. Кроме того, быть может, также к нашему счастью, количество хронологических лет, в течение которых женщина способна рожать детей, практически не изменилось. Очевидно, женские детородные органы истощают свой запас потенциальных яйцеклеток в течение примерно тридцати лет, как и прежде.

Нет никаких сомнений, что исчезновение человечества и замедление старения как-то связаны между собой. В сущности, мы можем быть только благодарны за эту долгую жизнь, а также, возможно, и за снятие социального напряжения, возникшего из-за перенаселения планеты. Однако наиболее вдумчивых из нас нередко тревожит мысль о скрытом от нас значении происшедшего. Во тьме ночи мы лежим без сна и размышляем, и хотя с годами потрясение прошло, мы порой боимся.

Вот почему этим августовским утром в конце двадцать второго столетия от Рождества Христова я начинаю подробно записывать свои воспоминания о том, что произошло. Я – старейший обитатель нашего дома, в возрасте ста десяти хронологических лет, и мне кажется правильным и должным, что именно моя рука напишет эти строки. Без записи подобного рода то, что случилось с населявшими Землю людьми, превратится со временем в миф...

Глава 2

У него все не шел из головы тот последний медведь, однако, как ни странно, он не мог вспомнить в точности, что произошло. Уже несколько дней он постоянно об этом думал, пытался вспомнить, обрести уверенность – и был все так же очень далек от ответа. Медведь, вдруг поднявшийся на дыбы из глубокого русла ручья, застал его врасплох, и бегством было не спастись. Стрела никак не могла поразить зверя насмерть, ведь человек даже не успел ее вложить как следует. Однако же, рванувшись вперед и рухнув почти у самых его ног, медведь умер. И в этот краткий предсмертный миг случилось нечто, но что именно, вспомнить не удавалось. Несомненно, он что-то сделал, однако не было никакой возможности узнать, что. Несколько раз ему казалось: вот-вот он припомнит, но каждый раз смутное воспоминание таяло, уплывая в глубины подсознания, словно лучше было вовсе этого не знать.

Он опустил узел с поклажей наземь и прислонил к нему лук. Обрамленная утесами, расписанная осенними красками обширная долина, где соединялись две огромные реки, выглядела так, как рассказывали охотники на буйволов, которых он встретил на высокогорной равнине с месяц назад. При мысли о них он улыбнулся – они были славные люди. Они просили его остаться, и ему самому хотелось того же. Там была девушка, которая смеялась негромким грудным смехом, и был юноша, дружески коснувшийся его рукой. Однако он не мог остаться с ними.

Солнце поднималось, и под его лучами клены у дальнего утеса запылали золотом и багрянцем. И там, на скалистом мысе, что возвышался над местом слияния рек, стоял огромный дом, о котором ему говорили; многочисленные печные трубы торчали над крышей, словно уставленные в небо короткие толстые пальцы.

Юноша поднял висевший на груди бинокль и поднес к глазам. От движения ремешка тихонько стукнулись друг о друга медвежьи когти на его ожерелье.

Джейсон Уитни закончил утреннюю прогулку и сказал себе, что это была его лучшая прогулка. Хотя та же самая мысль неизменно приходит ему в голову каждое утро, когда он по склону поднимается к дворику, а из кухни плывет аромат жареной ветчины и яичницы, которую готовит Тэтчер. Но сегодня утро и впрямь замечательное. Такое свежее, даже с прохладцей, пока ее не разогнало поднимающееся солнце; и листья, подумал он, листья просто великолепны.

Он стоял на краю обрыва и смотрел вниз на две реки, и синева водной глади (возможно, чтобы дополнить краски осеннего полотна) была темнее обычного. Он глядел на стаю уток, летевших через долину над самыми макушками деревьев; в одном из маленьких прудов, которыми был усеян заливной луг, по колено в воде стоял лось, он опускал голову в воду и обрывал лилии, а когда вновь ее поднимал, вода потоками скатывалась с мощных рогов. Джейсону даже чудился плеск этих водопадов, хотя он знал, что так далеко их не услышишь.

Две собаки, сопровождавшие его на прогулке, убежали вперед и теперь ждали во дворе; ждали не его, хотя ему было бы приятно так думать, а свои миски с едой. Во время прогулки Баусер, проживший на свете много лет, ступал подле Джейсона тяжело и степенно, а Ровер, глупый щенок, в ореховой роще загнал на дерево белку, а на осеннем поле поднял стаю куропаток из собранной в снопы кукурузы.

Открылась дверь во внутренний дворик, и вышла Марта с мисками для собак. Она поставила миски на камни, а собаки ждали вежливо и уважительно, помахивая хвостами и насторожив уши. Затем Марта вышла со двора и двинулась вниз по склону навстречу Джейсону. Поцеловала его привычным утренним поцелуем и взяла под руку.

– Пока ты гулял, – сказала она, – я разговаривала с Нэнси.

Он сдвинул брови, пытаясь сообразить.

– Нэнси?

– Ну да. Ты же знаешь. Старшая дочь Джеффри. Мы с ней так давно не говорили.

– Теперь вспомнил, – сказал он. – И где же Нэнси сейчас обитает?

– Где-то в районе Полярной звезды, – ответила Марта. – Они совсем недавно переехали. Живут на чудеснейшей планете...

Вечерняя Звезда сидела на корточках в вигваме и украшала амулет. Она очень старалась, чтобы он вышел красивым, и сегодня же собиралась отнести его дубу. День для этого хороший, сказала она себе, – ясный, тихий и теплый. Такие дни надо ценить, хранить их у самого сердца, ведь разноцветных, ярких дней осенью бывает немного. Скоро настанут дни сумрачные, когда холодный туман повиснет меж обнаженных деревьев, и задуют ледяные северные ветры, и принесут с собой снег. С улицы доносились звуки утренней жизни лагеря: стук топора по дереву, бречание котелков, дружеский оклик, беззлобный лай собаки. Чуть позже люди опять пойдут расчищать старые поля – придется выкорчевывать поросль, убирать камни, сгребать и сжигать сорняки, оставляя землю обнаженной, готовой к тому, что весной ее вспашут и засеют. Все будут заняты, и Вечерней Звезде будет нетрудно потихоньку ускользнуть из лагеря и вернуться прежде, чем ее отсутствие заметят.

Никто не должен знать, напомнила она себе, ни отец, ни мать, ни тем более Красное Облако, первый вождь племени и ее дальний-дальний прапрадед. Ибо не пристало женщине иметь духа-хранителя. Правда, сама она не видела в том ничего дурного. В тот день, семь лет назад, признаки ее хранителя проявились слишком явно, чтобы в них усомниться. Дерево говорило с ней, и она говорила с деревом, как если бы разговаривали отец и дочь. Я не искала, подумала она, этого родства. И в мыслях ничего подобного не было. Но если дерево с тобой говорит, что остается делать?

А сегодня заговорит ли оно? После столь долгого отсутствия вспомнит ли?..

Езекия сидел на мраморной скамье под старой ивой, закутав в грубую коричневую рясу свое металлическое тело, – это и есть гордыня и притворство, думал он, недостойные меня, ибо я не нуждаюсь ни в том, чтобы сидеть, ни в том, чтобы носить одежду. Желтый лист кружась опустился ему на колени: чистая, полупрозрачная желтизна на фоне коричневой рясы. Езекия хотел было его смахнуть, но сдержался. Кто я такой, подумал он, чтобы вмешиваться или противиться даже столь простой вещи, как падение листа?

Он поднял глаза, и взор его остановился на огромном каменном доме; он стоял примерно в миле от монастыря на возвышающейся над реками скалистой стене – могучее, большое строение; окна его поблескивали на утреннем солнце, а печные трубы напоминали руки, с мольбой воздетые к Господу.

Именно они, люди, живущие в доме, должны быть здесь вместо нас, подумал он и тут же вспомнил, что на протяжении многих веков там живут только двое, Джейсон Уитни и его милая жена Марта. Порой кто-нибудь из бывших жильцов возвращается со звезд, чтобы посмотреть на свой старый дом – или старое фамильное гнездо, если они родились далеко отсюда. И что им делать там, среди звезд? – спросил себя Езекия с оттенком горечи. Заботить их должны отнюдь не звезды и не тамошние развлечения; единственное, что поистине должно волновать каждого человека, – это состояние его бессмертной души.

В роще музыкальных деревьев за монастырскими стенами тихонько шелестели листья, но деревья пока молчали. Попозже, где-нибудь после обеда, деревья начнут настраиваться для ночного концерта. Это будет великолепно, подумал Езекия, несколько стыдясь своей мысли. Одно время он представлял себе, будто их музыка является пением какого-то боже-

ственного хора; впрочем, он понимал, что это лишь плод его воображения. На церковную музыку пение деревьев порой не походило вовсе.

Именно такие мысли, сказал он себе, а также сидение на скамье и ношение одежды не позволяют мне и моим товарищам должным образом выполнять задачу, которую мы на себя возложили. Однако обнаженный робот, подумал он, не может предстать перед Богом; он должен быть прикрыт человеческой одеждой, если желает заменить человека.

Старые сомнения и страхи хлынули потоком, и он сидел, согнувшись под их тяжестью. Казалось бы, они его мучили с самого начала (и других тоже), но их острота не притупилась. С течением времени они лишь обострялись, и, потратив столетия на изучение подробнейших комментариев и пространных писаний людских теологов, Езекия так и не нашел ответа. Быть может, с болью спрашивал он себя, его вопросы суть чудовищное кощунство? Могут ли существа, которые не обладают душой, служить Богу? Но, может быть, после стольких лет работы и веры они обрели-таки душу? Он искал внутри себя душу (причем не в первый раз искал), но не нашел. Будь она у меня, размышлял он, как ее узнать? Из каких составных частей складывается душа? Можно ли вообще ее обрести или надо с душой родиться – а если верно последнее, то какие генетические модели принимают в этом участие?

Не присваивает ли он со своими товарищами-роботами (товарищами-монахами?) человеческие права? Не стремятся ли они, в греховной гордыне, к чему-то, предназначенному лишь для людей? Входит ли – входило ли когда-нибудь – в их компетенцию поддержание человеческого и божественного установления, которое люди отвергли и до которого теперь даже Богу, возможно, нет дела?

Глава 3

После завтрака, в спокойной тишине библиотеки, Джейсон Уитни сел к столу и открыл переплетенную книгу записей, взяв ее с полки, где стоял длинный ряд точно таких же книг. Последнюю запись он сделал более месяца тому назад. Да и не было, подумал он, особой причины что-либо записывать. Жизнь течет мирно и размеренно, а достойная упоминания рябь на ее поверхности появляется редко. Возможно, стоило бы вернуть журнал обратно на полку и ничего не писать, но Джейсону почему-то казалось, что нужно время от времени все-таки заносить по несколько строк. За последний месяц не произошло значительных событий – никто не приехал их навестить, ничего примечательного не было слышно со звезд, никаких известий об индейцах, не заглянул ни один странствующий робот, а значит, не было и новостей; хотя роботы чаще приносили слухи, чем достоверные новости. Разумеется, имелись сплетни. Марта вела постоянные разговоры со всей родней, и когда они вдвоем сидели во дворике, готовясь к ночному концерту, она пересказывала ему услышанное за день. Однако по большей части это были всего лишь бабьи сплетни и ничего, достойного записи.

Сквозь щель между тяжелыми шторами на высоких окнах пробился лучик утреннего солнца и осветил его седую голову и крепкие плечи. Джейсон был высок ростом, худ, но ощущение скрытой в нем силы искупало худобу. Лицо его покрывала сеточка тонких морщинок. Густые усы топорщились, и под стать им были кустистые брови над глубоко посаженными суровыми глазами. Он неподвижно сидел в кресле, оглядывая библиотеку и заново удивляясь тому спокойному чувству удовлетворенности, которое неизменно здесь обретал; порой его довольство переходило в тихое счастье, словно эта уставленная книгами просторная комната несла на себе печать особого благословения. Здесь обитают, сказал он себе, мысли многих людей – всех великих мыслителей мира, – надежно хранимые в переплетах томов, что стоят на полках, отобранные и помещенные туда давным-давно его дедом, чтобы во дни грядущие самая суть человечества, наследие записанной мысли, находилась всегда под рукой. Он не раз испытывал чувство гордости от того, что персонажи древних писателей, словно призрачные их представители, поселились в его библиотеке, и поздним вечером, когда все вокруг затихало, он часто ловил себя на том, что беседует с ними, возникающими из праха прошлого в сумраке настоящего.

Полки с книгами огибали всю комнату, прерываясь только двумя дверьми, а на стороне, выходящей к реке, – тремя окнами. Над первым рядом книг по всем стенам проходила галерея с декоративной металлической решеткой, и на ней помещался второй ряд. Над одной из дверей висели часы, и на протяжении более чем пяти тысяч лет, с удивлением напомнил он себе, они шли, век за веком отсчитывая секунды. Часы показывали пятнадцать минут десятого; интересно, подумалось ему, насколько их показания отличны от времени, которое люди установили много лет назад? Этого никто не знает, да оно теперь и не имеет значения. Мир вполне может обойтись вообще безо всяких часов.

С улицы в комнату пробирались приглушенные звуки – скорбное мычание пасущейся вдалеке коровы, близкий собачий лай, заполошное кудахтанье курицы. Музыкальные деревья по-прежнему молчали: они начнут настраиваться ближе к вечеру. Интересно, подумал он, будут ли они сегодня опять исполнять новое сочинение. Он бы предпочел, чтобы это не была одна из экспериментальных пьес, которыми деревья с недавних пор увлеклись. Так много есть других композиций, старых и любимых. Похоже, сказал он себе, их музыка стала ухудшаться с той поры, как два самых старых дерева начали умирать. Ветки сохнут и обламываются, и с каждой весной листва редет и редет. Правда, в роще выросли молодые побеги. В том-то, возможно, и дело.

Джейсон обеспокоенно пригладил пальцем усы. В тысячный раз он пожалел, что понятия не имеет, как ухаживать за деревьями. Разумеется, он читал кое-какие книги, но нет никакой уверенности, что уход за музыкальными деревьями, как за земными, принесет желаемый результат.

Он обернулся, услышав тихие шаги робота Тэтчера.

– Что такое, Тэтчер?

– Пришел мистер Гораций Красное Облако, сэр.

– Но Гораций на севере. В стране дикого риса.

– Похоже, сэр, племя перекочевало. Они стоят лагерем ниже по реке, как раньше. Они собираются восстановить старые поля и следующей весной их засеять.

– Ты разговаривал с ним?

– Сэр, – сказал Тэтчер, – он мой старый знакомый; естественно, мы немного потолковали. Он принес мешок риса.

– Надеюсь, Тэтчер, ты его поблагодарил.

– Разумеется, поблагодарил, сэр.

– Тебе следовало привести его сюда.

– Он сказал, что не хочет мешать вам, сэр, если вы заняты.

– Я никогда по-настоящему не занят. Ты это прекрасно знаешь.

– Тогда, – сказал Тэтчер, – я попрошу его войти.

Джейсон поднялся, обошел стол и остановился в ожидании друга. Как давно это было, подумал он, – года четыре или пять назад... пять, никак не меньше. Он тогда пришел в лагерь прощаться и, после того как индейцы расселись по своим каноэ, долго стоял на каменистом берегу и смотрел, как длинная вереница лодок быстро поднимается вверх по реке, как вспыхивают на солнце мокрые лопасти весел.

Красное Облако был одного возраста с Джейсоном, но выглядел моложе. Походка его была упруга, как у юноши. В черных волосах ни намек на седину; ровно посередине волосы разделял пробор, и двумя тяжелыми косами они спадали на грудь. Лицо обветренное, но совсем без морщин, за исключением крошечной сеточки у глаз. Красное Облако был одет в рубашку и гетры из оленьей кожи, на ногах – мокасины. Рука, протянутая Джейсону, была крупная, загорелая, с короткими, толстыми пальцами.

– Много времени прошло, Гораций, – сказал Джейсон. – Я рад тебя видеть.

– Ты единственный, – ответил Красное Облако, – кто по-прежнему зовет меня Гораций.

– А что, мне называть тебя вождем? Или Облаком? Или, может, Красным?

Красное Облако усмехнулся:

– В твоих устах, Джейсон, «Гораций» звучит замечательно. Мы с тобой вместе были молоды. Ты, конечно, помнишь. И это имя напоминает те времена, когда мы вдвоем бродили по лесам. Мы сделали себе надрезы на запястьях и соединили их, чтобы наша кровь смешалась. По крайней мере, мы думали, что она смешается. Я сильно в том сомневаюсь, но это совершенно не важно. Важнее символ.

– Я помню, – сказал Джейсон. – И помню тот первый день, когда твое племя спустилось в лодках по реке и вы увидели, что у нас из трубы идет дым. Вы все, вся ваша братия, дружно ринулись вверх по склону узнать, что тут такое, и тогда впервые и вы, и живущие в этом доме люди узнали, что они не одни на свете, что остался кто-то еще.

– Мы разожгли на поляне большие костры, – продолжил Красное Облако, – забили пару быков и устроили празднество. Мы взялись за руки и плясали вокруг костров с криками и пением. Твой дед, светлая ему память, выкатил бочонок виски, и все изрядно напилось.

– Тогда-то мы с тобой впервые и встретились, – сказал Джейсон. – Два молодых побега, желавшие показать себя миру, – да только никого не было, чтобы на них посмотреть. Мы

сразу сдружились. Вместе охотились, ловили рыбу, бродили по холмам. И бежали за девушками.

– И, насколько мне помнится, некоторых поймали, – заметил Красное Облако.

– Их было нетрудно поймать, – ответил Джейсон.

Они постояли, молча глядя друг на друга, затем Джейсон предложил:

– Присядем. Нам нужно о многом поговорить.

Красное Облако сел в кресло, Джейсон взял другое и развернул его, чтобы видеть лицо друга.

– Сколько времени прошло? – спросил он.

– Шесть лет.

– Вы только что прибыли?

– Неделю назад, – сказал Красное Облако. – Мы покинули северные земли, собрав урожай дикого риса. Мы не торопились. Останавливались, если находили хорошее место для лагеря, бездельничали, охотились. Несколько наших парней отогнали лошадей на запад от реки, и они останутся там, пока лед не окрепнет. Тогда мы перейдем на другой берег и будем охотиться на буйволов и дикий скот и заготавливать мясо на зиму. Вчера ночью явился гонец и сказал, что в прериях полно дичи.

Джейсон нахмурился:

– Говоришь, неделю назад. Что ж ты так долго ждал? Если самому было недосуг, послал бы за мной. Я бы пришел тебя повидать.

– Время бежит быстро. Было много дел. Мы пытаемся привести в порядок земли под посевы. Поля сильно заросли. У нас кончилась кукуруза, и мы по ней изголодались. Пытались выращивать ее там, на севере, но теплое время года оказалось слишком коротко. Посеяли поздно, ее побил морозом. Собрали несколько побуревших початков, вот и все.

– У нас есть кукуруза, – сказал Джейсон. – Большой запас. Смолота и готова. Я сегодня же вам пошлю. Что еще вам нужно – ветчина, яйца, мука? У нас хорошая пшеничная мука. Гораздо больше, чем нам требуется. Ткань, если вам надо. Шерсть была хорошая, ткацкий станок поработал на славу.

– Джейсон, я пришел к тебе не попрошайничать...

– Я знаю. Мы много лет обменивались то одним, то другим. Сколько мяса и рыбы, да ягод, да прочего вы отправляли нам в прошлом! Тэтчер говорит, ты принес риса...

– Ладно, – сказал Красное Облако. – Ты не станешь возражать против мяса буйвола, когда мы закончим охоту?

– Нисколько, – ответил Джейсон.

– А как насчет того, чтобы отправиться на охоту вместе с нами?

– С превеликим удовольствием.

– Хорошо! Все будет, как в былые времена. Остальные пусть работают, а мы с тобой станем сидеть у костра, беседовать и есть самые нежные куски.

– Вы живете хорошей жизнью, Гораций.

– Думаю, да. Было много путей, мы могли выбирать. Могли осесть на земле. Поселились бы где-нибудь в хорошем месте, заняли хорошие поля и засеяли их и собрали бы себе домашний скот. Мы могли стать земледельцами – однако не стали, а вернулись к прежнему образу жизни. Все мы в глубине души о нем мечтали. Нас тянуло обратно. Мы слышали зов. Наши предки испокон веку так жили. А мы всего несколько сотен лет жили той жизнью, которую установил белый человек, и это были далеко не лучшие годы. Мы так и не приспособились, не смогли. С облегчением все это бросили и вернулись к цветам, деревьям, облакам, к временам года с любой погодой, к бегущей воде, к обитателям лесов и прерий; мы воссоединились с ними и слились. Да, мы кое-чему научились у белых людей, нельзя этого отрицать, – и были бы глупцами, если б не научились. И воспользовались тем, что

переняли у белого человека, чтобы сделать прежний образ жизни еще лучше. Иногда я задумываюсь, правильный ли выбор мы сделали, и вижу осенний лист – один только лист, – или слышу журчание бегущего в лесу ручейка, или чувствую запах леса, и понимаю, что не ошиблись. Мы вернулись к земле, соединились с холмами и потоками, и так оно и должно быть. Именно для такой жизни мы созданы. Мы возвратились не к старой племенной идее, а к образу жизни. Сначала были сугубо лесным племенем, но сейчас уже не только. Возможно, мы просто индейцы. У племен, живущих на западных равнинах, мы переняли вигвам из кожи и одежду, а также умение обращаться с лошадьми. Однако по-прежнему делаем каноэ из бересты, собираем дикий рис и кленовый сахар. Это хорошая жизнь. Мы с тобой, дружище, ощутили жизнь – я в своем вигваме, ты в этом каменном доме. Ты ни разу не отправлялся к звездам и, возможно, будешь счастлив, если никогда там и не побываешь. Наверное, другим там нравится.

– Да, кое-что по душе, – ответил Джейсон. – Там много интересного и, возможно, полезного. Но мы мало чем воспользовались. Мы наблюдали, даже изучали, в некоторых случаях поняли, что происходит. Однако мы больше не технологическая раса. Мы утратили технологии, рабочие руки и знания. Машины износились, и никто не мог их заставить ожить, не было энергии, на которой им работать. Ты знаешь: мы не печалимся об этой утрате. Мы превратились в зорких наблюдателей и получаем удовольствие от наблюдений. Наша цель – знание, а не использование. Мы не нуждаемся в получении пользы; мы теперь выше этого. Ресурсы лежат невостребованные; нам даже стыдно попробовать их применить. И не только ресурсы; также идеи и...

– Ты многое помнишь, Джейсон? – перебил вдруг Красное Облако. – Из далекого прошлого? Не про наше племя, а все остальное?

– Я отлично все помню, – ответил Джейсон. – И ты тоже должен. Мы оба были молоды, когда это случилось.

Красное Облако помотал головой:

– Мои воспоминания смутны. Так много всего наслоено. Я едва помню иную жизнь, не ту, которой мы живем сейчас.

– Моя память заключена в журнале, во многих журналах. – Джейсон указал на полку позади стола. – Все записано. Записывать начал мой дед лет пятьдесят спустя после всего, что произошло. Он хотел, чтобы мы не забыли, чтобы это не стало мифом. Дед описал все, что помнил, и затем вел регулярные записи. Когда он умер, я продолжил работу. Все записано с того самого дня...

– А когда ты умрешь, – спросил Красное Облако, – кто будет этим заниматься?

– Не знаю, – ответил Джейсон.

– Джейсон, я часто думал кое о чем, но никогда не спрашивал. Можно спросить сейчас?

– Конечно. Все, что хочешь.

– Почему ты ни разу не отправлялся к звездам?

– Возможно, потому, что не могу.

– Но ты никогда и не пытался. Никогда по-настоящему не хотел.

– Да, люди покидали Землю один за другим, – сказал Джейсон, – пока не остались только мы с Мартой. Нам казалось: кто-то должен остаться, быть чем-то вроде якоря для остальных. Поддерживать в очаге огонь, встречать тех, кто захочет вернуться.

– Конечно, они возвращаются, и вы их встречаете.

– Некоторые нас навещают, – сказал Джейсон. – Не все. Мой брат Джон покинул нас одним из первых. Он не возвращался ни разу, и мы о нем ничего не слыхали. Я часто задаюсь вопросом, где он. Если он еще жив.

– Ты говоришь об ответственности, о необходимости остаться. Однако, Джейсон, дело не только в этом.

– Конечно, хотя раньше это было очень важно, важнее, чем сейчас. Джон и я были старшими. Моя сестра Дженис моложе нас. Мы по-прежнему иногда с ней видимся, и Марта часто с ней разговаривает. Если бы Джон остался, возможно, отправились бы мы с Мартой. Способность покидать свой дом, похоже, врожденная. Я допускаю, что человек обладал ею задолго до того, как начал использовать. Чтобы она развилась, необходимо было время, и его дала нам удлинившаяся жизнь. Возможно, она развилась бы и раньше, не будь мы столь озабочены и столь сбиты с толку нашей технологией. Быть может, где-то мы свернули не туда, восприняли неверные ценности и позволили, чтобы наша забота о развитии технологии подменила нашу скрытую цель. Наши способности не могли пробиться в сознание сквозь толстые пласты машин, смет, калькуляций и тому подобного. Но когда мы говорим о новых способностях, имеем в виду не только путешествие к звездам. Твой народ к звездам не летает. Возможно, вы в них не нуждаетесь; зато вы стали частью окружающей природы, слившись с ней в единое целое.

– Но если в тебе сохранилось желание путешествовать, почему ты сидишь дома? Ты мог бы позволить себе недолгое отсутствие. Роботы поддерживали бы огонь в очаге, встречали бы тех, кто захочет вернуться.

Джейсон отрицательно качнул головой:

– Теперь уже слишком поздно. С годами я все больше влюбляюсь в этот дом и эти земли. Я чувствую себя их частью. Без них – и без Земли – я пропаду. Просто не смогу жить без них. Но у меня дурные манеры, – прервал себя Джейсон. – Мне следовало давно спросить, как поживает миссис Облако.

– Счастлива. Блаженствует, распоряжаясь в новом лагере.

– А твои сыновья и праправнуки?

– Из правнуков с нами остались немногие, – ответил Красное Облако. – Сыновья и внуки живут в других племенах. Порой мы получаем от них весточки. А Бегущего Лося, моего прапраправнука, с год назад задрал гризли. Нам сообщил гонец. Все прочие благополучно здравствуют.

– Я скорблю, – сказал Джейсон. – Бегущим Лосем можно было гордиться.

Красное Облако благодарно склонил голову.

– Миссис Джейсон, как я понимаю, находится в добром здравии.

Джейсон кивнул:

– Она проводит много времени в беседах с остальными. Ей это прекрасно удастся, гораздо лучше, чем мне. Телепатия как будто ее вторая натура, и каждый вечер у нее ворох новостей. Нас теперь много. Понятия не имею, сколько именно; Марта скажет вернее. Она все помнит, всех родственников, кто на ком женился, кто... и так далее. Нас несколько тысяч, не меньше.

– Ты как-то давно говорил, что в космосе были обнаружены разумные существа, не похожие на нас. За то время, что нас не было...

– Ты прав, – сказал Джейсон. – Все они на нас не похожи. С некоторыми мы вступили в контакт. Одни дружелюбны, другие не очень, третьи к нам равнодушны. Большинство настолько нам чужды, что мурашки бегут по телу. А есть инопланетные путешественники, которые, бывает, посещают Землю.

– И это все? Никакого взаимодействия...

– Нет, не все, – ответил Джейсон. – Появилось нечто весьма и весьма тревожное. Буквально дуновение, хотя оно встревожило нас чрезвычайно. Словно прилетевший с ветром дурной запашок. Откуда-то из центра...

– Из центра чего, Джейсон?

– Центра Галактики. Из ядра. Какой-то разум. Мы смутно его почуяли, и этого достаточно...

– Враждебный?

– Нет, не враждебный. Холодный. Рассудочный, слишком рассудочный. Хладный и равнодушный. Аналитический. Черт, я не могу тебе объяснить. Это вообще объяснить невозможно. Как если бы земляной червь смог почуять человеческий разум. Но разница между ним и нами больше, чем между человеком и земляным червем.

– Вас это напугало?

– Напугало? Пожалуй. Расстроило. Встревожило. Одно утешение – нас, возможно, не замечают.

– Тогда зачем волноваться?

– Мы не слишком волнуемся. Дело в другом. Просто ощущаешь себя нечистым, зная, что в нашей галактике рядом с тобой существует такое. Как если бы наткнулся на яму, полную концентрированного зла.

– Однако это не зло.

– Видимо, нет. Я не знаю, что это. И никто не знает. Мы всего лишь уловили запах...

– Ты сам его обнаружил?

– Нет. Другие. Двое из тех, со звезд.

– Скорее всего, беспокоиться незачем, просто надо держаться от него подальше. Однако интересно – не имеет ли оно отношения к исчезновению людей? Хотя непохоже. Ты, Джейсон, так и не знаешь, почему люди покинули Землю?

– Понятия не имею, – честно признал Джейсон.

– Ты говорил об инопланетянах, которые объявляются у нас...

– Да, – сказал Джейсон, – их немного, то есть о немногих мы знаем. В прошлом веке было два или три. Но раньше их вроде бы не было вовсе. Они стали появляться только после исчезновения людей. Хотя, возможно, они бывали на Земле и прежде, но их никто не видел, а если и видели, то не признавали за инопланетян. Может быть, их не видели, потому что не хотели. Мы бы чувствовали себя неуютно в присутствии чего-то, совершенно не познаваемого, и потому широким жестом перечеркнули всех.

– Возможно, так оно и было, – согласился Красное Облако. – Или прежде их было гораздо меньше. Наша беспокойная планета была переполнена разумом, который порой наводил ужас. Быть может, он был подобен тому разуму в центре галактики, о котором ты говоришь. Инопланетный путешественник не стал бы останавливаться здесь, искать покоя и отдыха. В те дни покой тут был неведом.

– Ты прав, – сказал Джейсон. – Теперь мы это знаем, но не тогда. Мы двигались вперед, мы развивались...

– Я полагаю, ты разговаривал с кем-нибудь из путешественников.

– С двумя или тремя. Однажды я преодолел пятьсот миль, чтобы поговорить с одним из них, но он исчез прежде, чем я туда добрался. Известие о нем принес робот. Я не столь искусен в галактической телепатии, но могу беседовать с инопланетянами, во всяком случае, с некоторыми. Многие из них не воспринимают звуковые волны в качестве средства связи, а человек, со своей стороны, не воспринимает сигналы или психические волны, которые используют они. А иной раз говорить просто не о чем, никаких общих тем.

– Я пришел поговорить об инопланетных путешественниках, – сказал Красное Облако. – Я бы пришел в любом случае, в первый же день, если бы смог. Но я хотел тебе рассказать об одном из них. Его нашел Маленький Волк в Ущелье Кошачьей Берлоги и прибежал ко мне. Я отправился взглянуть.

Вот оно что, подумал Джейсон. Эта осторожная, вежливая беседа вокруг той единственной вещи, ради которой Красное Облако явился сюда. Разговор по старинке, не спеша, соблюдая племенной этикет, сохраняя достоинство.

– Ты пытался с ним поговорить?

– Нет, – ответил Гораций Красное Облако. – Я умею разговаривать с цветами и реками, и они отвечают мне, но инопланетянин... я не знаю, с чего начать.

– Хорошо, – сказал Джейсон, – я схожу и посмотрю, что у него на уме. Если смогу с ним общаться. Ты знаешь, каким образом он прибыл?

– Видимо, телепортировался. Там никаких признаков корабля.

– Обычно они так и делают, – произнес Джейсон. – Как и мы. Машина – громоздкая и обременительная штука. В скитании среди звезд нет ничего нового, хотя поначалу мы считали иначе. Мы воображали, будто сделали удивительное открытие, когда стали развивать и использовать парапсихологические способности. У нас, технологической расы, на многое не хватало времени, а заговори кто-нибудь о такой телепортации, над ним бы попросту посмеялись.

– Никто из нас не путешествовал среди звезд, – сказал Красное Облако. – Я не уверен, что у нас вообще есть эта способность. Мы так заняты миром, в котором живем, и его тайнами. Но теперь...

– Я думаю, вы обладаете определенными свойствами, – сказал Джейсон, – и используете их для благих целей. Вы знаете окружающий мир и связаны с ним естественно и неразрывно. Для этого, несомненно, требуется некий психический инстинкт. Пусть это не столь романтично, как скитание от звезды до звезды, зато требует большего понимания.

– Благодарю тебя за доброту, – ответил Красное Облако. – Возможно, в твоих словах есть доля правды. У меня есть красивая и очень глупенькая далекая-далекая праправнучка, которой исполнилось девятнадцать лет. Может, ты ее помнишь – Вечерняя Звезда.

– Ну конечно помню, – обрадованно сказал Джейсон. – Когда ты покидал лагерь или был очень занят, она меня развлекала. Мы ходили на прогулки, и она показывала мне птиц, и цветы, и другие лесные чудеса и всю дорогу очаровательно щебетала.

– Она по-прежнему очаровательно щебечет, однако меня это беспокоит. Сдается мне, она обладает какими-то способностями вроде тех, что имеет ваш клан...

– Ты имеешь в виду путешествие к звездам?

Красное Облако поморщился:

– Я не уверен. Нет, вряд ли. Что-то иное. Я в ней ощущаю некую странность. Она обладает такой жадной жаждой знаний, какой я никогда не встречал в своем народе. Не желание познать свой мир, хотя это тоже есть, но стремление за его пределы. Узнать все, что когда-либо происходило, все, о чем люди размышляли. Она прочла все книги, что у нас есть, а их у нас совсем мало...

Джейсон обвел рукой комнату.

– Вот книги, – сказал он. – Если она захочет прийти и прочесть... В подвалах есть еще, от пола до потолка. Может брать какие угодно, но мне бы не хотелось, чтобы она уносила их из дома. Потерянную книгу не заменишь.

– Я пришел к тебе с этой просьбой, – сказал Красное Облако. – К тому и вел разговор. Спасибо за предложение.

– Отрадно, что нашелся человек, который хочет их прочесть. Уверю тебя, для меня это честь.

– Полагаю, – проговорил Красное Облако, – нам тоже следовало позаботиться о книгах, но теперь уже поздно. Насколько я понимаю, большинство книг погибли от времени. Их погубили грызуны и сырость. А наши люди не решаются отправляться на поиски. Мы не любим древние города. Они такие старые и замшелые и полны призраков – призраков прошлого, о котором мы по сю пору не желаем вспоминать. У нас есть несколько книг, и мы их бережно храним. И отдаем долг чести прошлому, обучая читать наших детей. Однако для большинства это неприятная обязанность. Но не для Вечерней Звезды; она стремится читать.

– Не захочет ли Вечерняя Звезда, – спросил Джейсон, – прийти сюда и пожить с нами? Присутствие молодой девушки оживило бы дом, а я готов помогать ей советом в выборе книг.

– Я передам ей, – сказал Красное Облако. – Она будет очень рада. Ты, конечно, знаешь, она называет тебя дядя Джейсон.

– Нет, я не знал, – ответил Джейсон. – Я польщен.

Двое мужчин помолчали в тишине библиотеки. Часы на стене громко отсчитывали секунды.

Красное Облако пошевелился:

– Джейсон, ты следил за временем. За тем, сколько прошло лет. У тебя даже есть часы. Мы не имеем часов и не ведем счет. Не обременяли себя понапрасну. Мы встречали каждый день и проживали его сполна. Мы живем не днями, а временами года. А времена года мы не считали.

– Где-то, – сказал Джейсон, – я мог потерять день или два или день-другой добавить – точно не скажу. Но счет мы ведем. Прошло пять тысяч лет. Физически я в том возрасте моего деда, когда он стал вести записи. После этого он прожил почти три тысячи лет. Если я последую его примеру, я проживу полных восемь тысяч. Это кажется невозможным, и даже не совсем прилично человеку жить на свете восемь тысяч лет.

– Однажды, – сказал Красное Облако, – мы, может быть, узнаем, куда исчезли люди и почему мы так долго живем.

– Возможно, хотя я не надеюсь. Я вот о чем подумал, Гораций...

– Да?

– Я мог бы собрать партию роботов и послать их, чтобы они расчистили для вас поля. Они слоняются тут без дела. Я, правда, знаю, как вы относитесь к роботам...

– Нет. Большое спасибо. Мы примем кукурузу, и муку, и все остальное, но на помощь роботов не согласимся.

– Что, в сущности, вы имеете против них? Вы им не доверяете? Они не будут вам докучать. Они просто расчистят поля и уйдут.

– Рядом с ними мы чувствуем себя неловко, – сказал Красное Облако. – Они не вписываются в наш уклад. Напоминают, что с нами случилось, когда пришли белые люди. Мы полностью порвали с прошлым, сохранив лишь несколько вещей. Простые металлические инструменты, плуг, хозяйственную предусмотрительность – мы больше не живем, сегодня пируя, а завтра голодая, как бывало до появления белого человека. Мы вернулись к прежней жизни в лесах и в прериях. Мы стали жить, полагаясь только на самих себя; так должно быть и впредь.

– Кажется, я понимаю.

– Я не уверен, что мы и в прошлом доверяли роботам, – продолжал Красное Облако. – Не до конца. Те, что работают на ваших полях, они, может, и ничего. Однако дикие... Я говорил тебе, что теперь их много выше по течению реки, на месте какого-то старого города...

– Да, я помню. Миннеаполис. Вы их видели много-много лет назад. Они что-то строили.

– Они и сейчас трудятся, – сказал Красное Облако. – Мы это видели издали, когда спускались по реке. Они там кишмя кишат и что-то строят и строят. Огромное здание, хотя на здание оно не похоже. Роботы не стали бы возводить жилой дом, верно?

– Вряд ли. Во всяком случае, для себя. Непогода им не страшна – они сделаны из сверхпрочного сплава. Он не ржавеет, не изнашивается, выдерживает практически все. Непогоду, холод, жару, дождь... им все это нипочем.

– Мы там не задерживались, – продолжал Красное Облако. – И держались подальше. Смотрели в бинокль, однако увидели не много. Чувствовали себя неудобно; я бы сказал, испу-

гались. И быстренько убрались подобиру-поздорову. Вряд ли там что-то на самом деле нам угрожало, но рисковать мы не стали.

Глава 4

Вечерняя Звезда шла сквозь осеннее утро и разговаривала с друзьями, которых встречала на пути. Будь осторожен, кролик, когда щиплешь клевер: рыжая лисица вырыла себе нору прямо за холмом. А ты что стрекочешь, пушистый хвостик, и топаешь на меня лапкой? Мимо проходит твой друг. Ты обобрала все орехи с тех больших деревьев возле ущелья, прежде чем я успела до них добраться. Радуйся, потому что ты счастливейшая из белок: у тебя есть глубокое дупло в старом дубе, и там будет уютно и тепло, когда придет зима, и у тебя повсюду припрятана еда. Цыпка моя, тебе сейчас не время. Почему ты уже здесь, на чертополохе? Тебе еще рано. Ты бы должна прилететь, когда в воздухе закружатся снежные хлопья. Ты опередила своих собратьев; тебе будет без них одиноко. Или ты, как и я, радуешься последним золотым дням?

Девушка шла сквозь утреннее солнце, а вокруг золотилось и пламенело разноцветное великолепие редколесья. Она видела металлически блестящий золотарник, небесно-голубые астры. Она ступала по траве, когда-то сочной и зеленой, а теперь побуревшей и скользкой. Она опустилась на колени и провела рукой по зелено-алым пятнам лишайника на древнем сером валуне, и сердце у нее пело, ибо она была частью всего этого – да, даже частью лишайника, даже частью валуна.

Она взобралась на вершину гряды, и теперь внизу лежал густой лес, покрывавший холмы по берегам реки. Здесь начиналось ущелье, и она двинулась вниз. В одном месте из земли бил родничок, и девушка шла по ущелью, а рядом, прячась в камнях, бежал и пел ручеек. Ей вспомнился тот, другой день.

Тогда было лето, холмы покрывала зеленая пена листвы, и на деревьях пели птицы. Она крепко прижала к груди амулет и опять слышала слова, что сказало ей дерево. Это, конечно, очень дурно, женщина не должна заключать соглашение с деревом. И ладно бы с березой, или тополем, или каким-нибудь иным деревом, поменьше, более женственным. Но с ней говорил старый белый дуб – дерево охотника. Дуб стоял впереди, старый, в народах, сучковатый, могучий; несмотря на всю свою толщину и мощь, он казался припавшим к земле, словно приготовился к бою. Листья его побурели и начали сохнуть, но еще не опали. Дуб кутался в свой воинственный плащ, хотя деревья вокруг уже стояли совсем обнаженные.

Девушка спустилась к нему по склону и отыскала в могучем стволе дупло, древесина вокруг которого гнила и отслаивалась. Привстав на цыпочки, она увидела в тайнике амулет, положенный туда много лет назад, – маленькая куколка из стержня кукурузного початка, одетая в шерстяные лоскутки. Амулет потемнел от воды, которая просачивалась в дупло, однако сохранил свою форму.

Вечерняя Звезда положила в дупло новое приношение, аккуратно поместив его рядом с первым.

– Дедушка Дуб, – сказала она, почтительно опустив глаза, – я уходила, но не забывала о тебе. И долгой ночью, и ярким днем я тебя помнила. Сейчас я вернулась сказать, что могу снова уйти, хотя теперь это будет иначе. Но я никогда не покину этот мир насовсем, потому что слишком сильно его люблю. И я всегда буду тянуться к тебе, и ты будешь знать, когда я протяну к тебе руки. А я буду знать, что на этой земле есть тот, кому я могу довериться и на кого могу положиться. Я тебе искренне благодарна, Дедушка Дуб, за силу, что ты мне даешь, и за твое понимание.

Она смолкла и подождала ответа, но его не последовало. Дерево не заговорило с ней, как в тот, первый, раз.

– Я не ведаю, куда пойду, – продолжала она, – и отправлюсь ли вообще, но я пришла тебе об этом сказать. Чтобы разделить с тобой чувство, которое не могу разделить ни с кем другим.

Она опять помолчала в ожидании ответа. И не дождалась слов, но ей показалось, что могучий дуб встрепенулся, словно пробуждаясь ото сна, и будто огромные руки простерлись над ее головой и нечто – благословение? – снизошло на нее с ветвей дерева.

Она медленно, шаг за шагом, попятилась, не поднимая глаз, затем повернулась и бросилась бежать прочь, вверх по склону, и душа ее наполнилась тем чувством неведомого, что изшло от старого дуба.

Девушка споткнулась о корень, петлей торчавший из земли, упала руками на огромный ствол поваленного дерева, приподнялась и уселась на него, огляделась. Старого дуба отсюда уже было не видеть – его заслоняли другие деревья.

Вокруг тихо, ничто не шелохнется в подлеске, и птиц не видно. Весной и летом их было здесь множество, но сейчас они либо улетели на юг, либо где-то собирались в стаи перед отлетом. Внизу, на реке, стаи уток ссорились и шумели на заводях, а заросли тростника кишели черными дроздами, которые то и дело свистящей тучей взмывали в небо. Но отсюда птицы улетели, и в лесу стояла торжественная тишина с легким привкусом одиночества.

Что Вечерняя Звезда сказала дереву? То ли сказала, что хотела? Да и знает ли она сама все, что нужно ей знать? Иногда ей казалось, что она собирается в какое-то другое место, – так ли это? В ней жило чувство смутного беспокойства, ожидания, покалывающее ощущение, что вот-вот произойдет нечто чрезвычайно важное, неизвестное, даже пугающее. Нынешний, знакомый, привычный ее мир был полон друзей – и друзьями были не только люди: маленькие птички в лесах и кустарниках, застенчивые цветы, прячущиеся в укромных лесных уголках, стройные деревья, тянущиеся к небу, а еще ветер, и солнце, и дождь.

Она тихонько похлопала ладонью гниющий ствол, словно и он был ее другом, и заметила, что вереск и другие растения прильнули к нему, оберегая и защищая, пряча от чужих глаз в час унижения и беды.

Девушка поднялась и медленно двинулась дальше, вверх по склону. Она оставила амулет, а дерево в ответ не заговорило. Но что-то сделало с нею, и все было хорошо.

Она достигла гребня холма, начала спускаться, направляясь к лагерю, и вдруг почувствовала, что рядом есть кто-то еще. Девушка быстро обернулась – он стоял тут, в одной набедренной повязке, и его бронзовый крепкий торс блестел под лучами солнца, а рядом лежали вещи, и к ним был прислонен лук. На груди его висел бинокль, наполовину скрывавший ожерелье из медвежьих когтей.

– Я вторгся на твою землю? – проговорил он вежливо.

– Земля ничья, – ответила девушка.

Ожерелье ее зачаровало, она не сводила с него глаз.

Он дотронулся до ожерелья.

– Тщеславие.

– Ты убил огромного белого медведя, – проговорила она. – И не одного.

– Один коготь – один медведь, – сказал он. – По когтю от каждого.

У нее захватило дух.

– У тебя сильный амулет.

Он провел рукой по луку.

– У меня лук. Верные стрелы с кремневым наконечником. Кремень лучше всего, лучше него только чистая сталь, а где теперь найдешь хорошую сталь?

– Ты пришел с запада, – сказала она, зная, что огромные белые медведи водятся только там. Год назад один из них задрал ее родственника, Бегущего Лося.

Он кивнул.

– Далеко с запада. Оттуда, где большая вода. С океана.
– Ты долго шел?
– Не знаю. Я был в пути много лун.
– Ты считаешь лунами. Ты принадлежишь к моему народу?
– Нет, не думаю. У меня белая кожа, потемнела она от солнца. Я встречался с твоими сородичами, они охотились на буйволов. Это были первые люди, не считая моего народа. Других я не видел. Я не знал, что есть еще люди. Прежде я встречал только роботов.

Она сделала презрительный жест.

– Мы не знаем с роботами.

– Я так и понял.

– Куда ты направляешься? Дальше на восток прерия кончается. Там только лес, а за ним еще один океан. Я видела карты.

Он указал на дом, стоящий на вершине огромного мыса:

– Может быть, туда. Люди в прериях говорили мне о большом доме из камня, где живут люди. Я видел много домов из камня, но в них никто не жил. А здесь живут?

– Двое.

– И только?

– Остальные, – сказала она, – отправились к звездам.

– Об этом они тоже говорили, – сказал он, – и я удивлялся. Не мог поверить. Кто же захочет отправиться к звездам?

– Люди находят другие миры и живут там.

– Звезды – всего лишь яркие огоньки, что светятся в небе.

– Это другие солнца, – сказала она. – Ты не читал книг?

Он покачал головой:

– Однажды я видел... Мне сказали, что это книга. Сказали, что, если знать способ, она может говорить. Но человек, который мне ее показывал, забыл эту хитрость.

– Ты не умеешь читать?

– Чтение и есть та хитрость? При помощи которой книга заговорит?

– Да, – сказала она. – Там есть маленькие значки. Читаешь, и все.

– У тебя есть книга? – спросил он.

– Большой ящик книг. Я их все прочла. Но там, – указала она на дом, – есть комнаты, полные книг. Мой прапрадед сегодня спросит, можно ли мне их прочесть.

– Странно, – сказал он. – Ты читаешь книги. Я убиваю медведей. Книга мне не нравится. Мне сказали, что книга может говорить, но при помощи древнего колдовства, и поэтому лучше оставить ее в покое.

– Это неверно, – сказала она. – Ты странный человек.

– Я пришел издалека, – ответил он, словно это все объясняло. – Через высокие горы, через бурные реки, через такие места, где один песок и слишком много солнца.

– Зачем ты так далеко шел?

– Что-то внутри мне шептало: «Иди и ищи». Оно не сказала, что именно. Просто идти и искать. Я чувствую, как меня что-то гонит. Когда люди в прериях рассказали об этом огромном доме из камня, я подумал: может быть, именно это я и ищу.

– Ты идешь туда?

– Да, конечно, – сказал он.

– И если ты ищешь этот самый дом, ты там и останешься?

– Возможно. Не знаю. То, что гонит меня вперед, подскажет. Чуть раньше я думал, что отыскал то, что мне нужно найти. Но огромный дуб изменился. Ты так сделала.

Она вспыхнула от гнева.

– Ты подглядывал за мной.

– Я не хотел подглядывать, – сказал он. – Я поднимался по склону и увидел тебя возле дерева. Я спрятался, чтобы ты меня не заметила. Я подумал: ты не захочешь, чтобы кто-нибудь знал. Поэтому тихо ушел, чтобы ты не узнала.

– Однако ты мне рассказываешь.

– Да, рассказываю. Дуб изменился. Это было удивительно.

– Как ты узнал, что дуб изменился?

Он наморщил лоб.

– Не знаю. Как и тот медведь. Которого моя стрела не убила, а он упал мертвый. Я этого не понимаю. Мне странно.

– Скажи, как изменился дуб?

Он покачал головой:

– Я только почувствовал, что он стал другой.

– Не надо было подглядывать.

– Мне стыдно. Я не буду об этом рассказывать.

– Спасибо, – сказала она и повернулась, чтобы идти дальше.

– Можно мне пройти с тобой немного?

– Я иду в эту сторону, – ответила она. – Ты идешь к дому.

– До свидания, – сказал он.

Девушка направилась вниз по склону. Когда она оглянулась, пришелец так и стоял на прежнем месте. Ожерелье из медвежьих когтей блестело на солнце.

Глава 5

Инопланетянин походил на клубок червей. Он съежился между валунов, у маленькой березовой рощицы, прилепившейся к краю ущелья; деревья клонились вниз и нависали над высохшим руслом ручья. Падающий сквозь листву солнечный свет пятнами ложился на словно свитое из толстых нитей тело инопланетянина; оно преломляло лучи, и казалось, будто он лежит в россыпи осколков радуги.

Джейсон Уитни прислонился к стволу молодого ясеня на поросшем мхом берегу. Вокруг стоял слабый тонкий запах опавших осенних листьев.

Он омерзителен, подумал Джейсон, и тут же постарался прогнать эту мысль. Инопланетяне бывали не так уж плохи, но этот хуже всех. Если бы он, по крайней мере, не двигался, думал Джейсон, можно было бы как-то освоиться и привыкнуть к нему. Но клубок червей безостановочно шевелился, отчего делался еще отвратительнее.

Джейсон мысленно потянулся к нему, намереваясь осторожно дотронуться, затем, испугавшись, отпрянул и понадежнее упрятал сознание внутрь себя. Надо успокоиться, прежде чем пытаться разговаривать с этим существом. На своем веку он перевидал столько инопланетян, что должен был бы сохранять невозмутимость, однако этот упорно выводил его из равновесия.

Джейсон сидел неподвижно, слушая глухую тишину, вдыхая аромат палой листвы, не позволяя себе думать ни о чем определенном. Именно так это и делается – подбираешься к нему тайком, притворяясь, будто вовсе не замечаешь.

Но инопланетянин не стал ждать. Он выбросил мысленный щуп и коснулся Джейсона твердо, спокойно и тепло, что так не соответствовало его внешнему облику.

– Приветствую тебя, – сказал он. – Надеюсь, что, обращаясь к тебе, я не преступаю никаких законов и не нарушаю границ чужих владений. Я знаю, кто ты. Я видел таких, как ты. Ты человеческое существо.

– Да, – ответил Джейсон, – я человек. Добро пожаловать. Ты не преступаешь никаких законов, ибо у нас их очень мало. И не нарушаешь границ чужих владений.

– Ты один из путешественников, – сказал клубок червей. – Сейчас ты отдыхаешь на своей планете, но, бывает, отправляешься очень далеко.

– Не я, – возразил Джейсон. – Путешествуют другие. Я не покидаю своего дома.

– Значит, я достиг цели. Это планета путешественника, с которым я общался очень давно. До сих пор я не был полностью в этом уверен.

– Это планета Земля, – сообщил Джейсон.

– Да, такое название, – обрадовался чужак. – Я никак не мог вспомнить. Тот, другой, описал мне свою планету, и я искал ее повсюду, лишь в общих чертах представляя себе, где она должна находиться.

– Ты хочешь сказать, что искал нашу Землю? Ты не просто остановился тут отдохнуть?

– Я явился сюда искать душу.

– Явился искать что?

– Душу, – повторил чужак. – Тот другой, с которым я общался, сказал, что у людей были души и, возможно, они есть и сейчас. Хотя он не был уверен в этом и вообще проявил глубокое невежество. Я заинтересовался его рассказом о душах, однако он не сумел объяснить, что же это такое. Я сказал себе, втайне конечно, что такую замечательную вещь стоит поискать. И поэтому пустился на розыски.

– Возможно, тебе интересно будет узнать, – сказал Джейсон, – что многие люди тоже искали свои души.

Какое странное стечение обстоятельств, подумалось ему. Кто из наших мог разговаривать с этим существом о душе? Маловероятная тема для беседы, да и мало ли к чему приведет такой разговор. Скорее всего, человек говорил не всерьез. Хотя этот клубок червей, похоже, принял его слова настолько близко к сердцу, что отправился на поиски.

– Я чувствую в твоём ответе какую-то странность, – сказал инопланетянин. – Можешь ли ты сказать, что у тебя есть душа?

– Нет, не могу, – ответил Джейсон.

– Если бы она у тебя была, ты бы, конечно, знал.

– Необязательно.

– Ты говоришь, – сказал чужак, – совсем как тот, с которым мы просидели полдня на вершине холма на моей прекрасной планете. Мы беседовали о многом, но больше всего о душах. Он тоже не знал, есть ли у него душа, и не мог сказать с уверенностью, есть ли она у других людей или имелась в прошлом. И он не мог объяснить мне, что это такое, душа, и можно ли ее обрести. Похоже, он полагал, что знает преимущества обладания душой, однако говорил об этом как-то очень туманно. Его объяснение во многих отношениях совершенно неудовлетворительно, однако, как мне показалось, в нем есть зерно истины. Если я отыщу его родную планету, подумал я, кто-нибудь расскажет мне все, что я хочу знать.

– Мне жаль, – сказал Джейсон. – Очень жаль, что ты проделал столь долгий путь и зря потратил столько времени.

– Ты ничего не можешь мне рассказать? Здесь нет никого другого?

– Может быть, и есть, – ответил Джейсон и быстро добавил: – Я не уверен.

Он ляпнул лишнее. Нельзя знакомить Езекию с этим существом. Езекия и без того тронутый, а тут и подавно сойдет с ума.

– Но должны же быть другие.

– Нас только двое.

– Ты ошибаешься, – сообщил инопланетянин. – Сюда приходили двое. Не с тобой. Они стояли и смотрели на меня, а потом ушли. Мне не удалось установить с ними связь.

– Они не могли тебя слышать, – сказал Джейсон. – И не могли ответить. Их мозг так устроен. Но они рассказали мне о тебе. Они знали, что я сумею с тобой поговорить.

– Значит, есть еще только один, с кем я могу говорить.

– Да. Остальные люди находятся далеко отсюда, среди звезд. С одним из них ты и общался.

– С этим вторым?

– Вряд ли, – сказал Джейсон. – Она никогда не говорила ни с кем, кроме своих. Она с ними здорово общается, как бы далеко они ни были.

– Значит, ты единственный. И ты ничего не можешь мне сказать.

– Послушай, эта идея стара. Никогда не существовало доказательств. Была одна лишь вера. Человек говорил себе: у меня есть душа. Он в это верил, потому что так ему говорили другие. Говорили властно. Без рассуждений и объяснений. Твердили это так часто, и он сам себе повторял, и в результате не задавался вопросом, есть ли у него душа на самом деле. Но никогда не было никаких свидетельств. Никаких доказательств.

– Но, досточтимый сэр, – взмолился инопланетянин, – ты скажешь мне, что же такое душа?

– Многие полагают, – ответил Джейсон, – что она есть. Это часть тебя. Невидимая и неосязаемая. Не часть твоего тела. Даже не часть твоего сознания. После твоей смерти она продолжает жить и живет вечно. Или предполагается, что она живет вечно, и условия, в которых она оказывается после твоей смерти, зависят от того, каким ты был.

– Кто судит о том, каким ты был?

– Божество, – сказал Джейсон.

– А это божество?..

– Не знаю, – сказал Джейсон. – Я просто не знаю.

– Ты откровенен со мной. Я сердечно тебе благодарен за откровенность. Ты говоришь приблизительно то же, что и тот, другой, с которым я беседовал.

– Может быть, найдется еще один, – решил вдруг Джейсон. – Если я разыщу его, я с ним поговорю.

– Но ты сказал...

– Я знаю, что сказал. Это не человек. Это другое существо – возможно, более осведомленное, чем я. Но ты не сможешь с ним говорить сам. Придется предоставить это мне.

– Я тебе доверяю, – сообщил клубок червей.

– Пока же позволь пригласить тебя в гости, – продолжал Джейсон. – У меня есть жилище, и в нем найдется место для тебя. Мы будем тебе рады.

– При виде меня ты испытываешь замешательство, – сказал инопланетянин.

– Не стану лгать, – ответил Джейсон. – Но я говорю себе: возможно, его тоже смущает мой вид.

Лгать не было смысла. Чужак без слов понимает, какие чувства испытывает Джейсон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.